

«Чудеса» науки или чудачество от имени науки? **О «неявных надписях» в работах В.А. Чудинова**

С.В. Яковлев

Вряд ли можно считать чем-то из ряда вон выходящим неослабевающий интерес отечественных читателей к исторической тематике. Нельзя в этой связи и пожаловаться на недостаток книг, в той или иной степени удовлетворяющих этот интерес: в любом крупном книжном магазине имеется достаточный выбор и научной и популярной литературы по общим и частным вопросам истории. Затруднения начинаются при выборе той или иной книги и обусловлены они, как ни странно, степенью доверия к предлагаемому содержанию. А поскольку «среднестатистический читатель» привык благоговейно относиться к слову «наука» и всему, что с ним связано, то и из книг, в оформлении которых оно встречается, ему хочется почерпнуть, прежде всего, не столько простой набор сведений, сколько со всей ответственностью изложенные и подходящим образом систематизированные знания, касающиеся того или иного предмета.

Внимательное ознакомление с некоторыми книгами, имеющими на титульном листе наименование сразу трех академических учреждений: «Российская академия наук. Научный совет по истории мировой культуры. Комиссия по истории культуры Древней и Средневековой Руси; Отделение Евразии Российской академии естественных наук; Академия фундаментальных наук. Научно-исследовательский институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации», и принадлежащими перу одного и того же автора – доктора философских наук В.А. Чудинова [4, 5, 7, 8], в целом ряде случаев порождает серьезные вопросы, на которые хотелось бы получить ответы специалистов.

Первой из перечисленных «триждыакадемических» книг была подписана в печать работа «Вернем этрусков Руси» (19.05.2006), поэтому начнем наш обзор именно с неё.

Как сказано в аннотации, эта книга посвящена дешифровке этрусских надписей и своим появлением не только фиксирует «переворот в этрускологии», но и «вносит значительные коррективы в традиционную историю древней и средневековой Европы» [5, с. 2]. Интерес к истории этрусков, по словам самого В. Чудинова [5, с. 26–27, 137], был обусловлен его знакомством с книгой П.П. Орешкина «Вавилонский феномен (русский язык из глубины веков)» [2], в которой на основе «древнеславянского языка» предлагались варианты «дешифровки» огромного количества письменных памятников, включая Фестский диск и надписи, относящиеся к этрусской, древнегреческой, древнеегипетской и древнеиндийской культурам.

При изучении памятников с этрусскими надписями в книге «Вернем этрусков Руси» В. Чудинов предлагает принципиально новый подход к историческим источникам, а именно поиск и выявление незамеченных всеми другими исследователями письменных знаков – «неявных надписей» – букв и слов, вписанных в рисунки [5, с. 11, 19; 8, с. 3], в числе прочего – в складки одежды [5, с. 10–11; 7, с. 280; 8, с. 467]. «Неявные надписи» в данном случае можно считать своеобразной тайнописью, использующей в качестве средства маскировки различные элементы нанесенного на предмет изображения. Изучавший прориси этрусских зеркал П.П. Орешкин выдвинул предположение о возможности существования скрытых букв в виде деталей орнамента или же рисунка [2, с. 13], однако не стал предлагать конкретные варианты «чтений». В. Чудинов почтительно упоминает об этой гипотезе П. Орешкина в книге «Вернем этрусков Руси» [5, с. 142, 146–147], а в более ранней своей книге предлагает аналогичный подход: «...я предлагал видеть в узоре вполне читаемый текст... с моей точки зрения, творцы узоров их вовсе не изобретали, а просто округляли до степени узора привычные письменные знаки» [6, с. 35–36]. Причем, в результате длительных поисков вписанных в рисунки букв и слов В. Чудинову удалось сделать удивительный вывод о принципе создания столь необычного способа письменной

записи: «не текст вписывается в уже готовый рисунок, а рисунок планируется под задуманный текст» [7, с. 174].

В составе длинного ряда сенсационных открытий, сделанных по итогам «чтения» таких «надписей», особое место занимает радикальное переосмысление В. Чудиновым истории цивилизации: «читая ряд надписей, вписанных в рисунки на греческих сосудах, я смог понять, что до прихода эллинов и, возможно, какое-то время при них в Греции звучала русская речь» [7, с. 288], «...в античности и еще раньше страной номер один в культурном отношении была Россия, а не Рим, Греция или Иудея, которые лишь восприняли культурные достижения наших предков и помнили о них и в Средневековье, и в Новое время, сознательно вычеркнув славян из истории лишь в середине XIX века» [8, с. 473]. Звучит это, конечно, не только удивительно, но и до крайности «патриотично», однако некоторые сомнения в правомерности подобных выводов все же возникают.

В качестве основной, подлежащей проверке, гипотезы, автор книги «Вернем этрусков Руси» выдвигает положение о принадлежности этрусского языка к славянским языкам [5, с. 29], о чем, по его мнению, наглядно и вполне надежно свидетельствует уже само название «этрусский» [5, с. 31]. Правда, при этом обозначение «этрусский» на иных языках, кроме русского, автором книги не рассматривается. Изложенные в книге результаты весьма оригинальных исследований памятников этрусской культуры и письменности позволили В. Чудинову утверждать, что «этрусски прекрасно владели русским языком того времени» [5, с. 340, 545], да и сам этрусский язык, по наблюдениям автора, «не слишком отличался от русского» [5, с. 340]. В своей письменности (явной и неявной) этрусски, с точки зрения В. Чудинова, одновременно (иногда – в пределах одного слова) использовали несколько видов знаковых систем: протокириллицу, руницу (их открытие принадлежит самому В. Чудинову и описывается им в более ранних работах: [6, 10, 7]), а также итальянский и греческий алфавиты [5, с. 545, 165, 308], причем прототипом для итальянского и греческого алфавита, как предполагается в книге, послужило «славянское письмо» [5, с. 46]. Сделаны В. Чудиновым и выводы об исторической взаимосвязи и роли языков: этрусский язык «происходит непосредственно из русского» [5, с. 241, 559], в нем «сочетаются» различные черты современных сербского, белорусского и польского языков [5, с. 207, 251, 222], а собственно русский язык являлся в древности «языком межгосударственного общения» [5, с. 11, 462] и им «пользовались даже древние греки» [5, с. 11]. Аналогичные высказывания об истории русского языка можно найти и в других книгах В. Чудинова, например: «...некогда единым языком Европы был русский; и любые пришедшие к русским племена должны были освоить русский язык и протокирилловское письмо (руны Рода), чтобы его понимали везде» [4, с. 192], «Руны Рода существовали десятки и сотни тысяч лет без изменений и прекрасно обслуживали русский язык» [7, с. 127], «...с моей точки зрения, письменность и письменная культура у славян существует *несколько тысяч лет*» [6, с. 33, выделено автором]. В подобного рода описаниях истории языка, как видим, оказывается много удивительного, и сопутствующие такому удивлению сомнения читателя начинают постепенно усиливаться. Вполне закономерно возникает вопрос: каким же образом удалось прийти к таким заключениям?

Ответ достаточно прост: путем выявления и чтения «неявных надписей». Именно эти самые «неявные надписи» служат для В. Чудинова основным источником уникальной, хотя и не поддающейся верификации и не подтверждаемой другими известными науке источниками, информации: «Мне посчастливилось обнаружить, что помимо очень редких крупных надписей существовали более мелкие, малозаметные, стилизованные под орнамент или даже вовсе являющиеся деталями рисунка буквы, из которых можно вычитать короткие, но исключительно важные тексты. Таких надписей на несколько порядков больше, чем крупных, и они дают подчас бесценную историческую информацию» [4, с. 7]. На первый взгляд, правомерность подобного подхода не может вызывать сомнений и, тем более, возражений, но – только на первый взгляд...

Дело в том, что В. Чудинов постулирует наличие в качестве одного из самых распространенных в масштабах Европы способов тайнописи врисовывание в анализируемые им изображения именно русских слов: «...выяснилось, что тайнопись охватывала рисунки подавляющего числа литературных произведений Европы от античности до нового времени, и при этом независимо от страны все надписи делались на чистом и вполне понятном русском языке. Иными словами, тайнописный русский язык служил в рисунках в качестве международного раньше и шире по размаху применения, чем латынь» [8, с. 3]. Поражающих воображение успехов В. Чудинову удалось добиться, как он сам об этом заявляет, по весьма простой причине: «Академическая наука не умеет читать скрытые в рисунках надписи и потому ограничивается только внешней трактовкой сюжета» [4, с. 492]. В связи с этим именно В. Чудинов, не имевший к моменту начала «чтений» специального лингвистического или исторического образования, и все же сумевший «прочитать» эти самые «скрытые в рисунках надписи», принял на себя нелегкое бремя славы первооткрывателя: «...я стал лидером российской эпиграфики, овладев массой специальных методов, которыми не владели мои оппоненты, и только в силу сложившихся научных традиций они свое незнание и неумение считали высокой наукой» [7, с. 285].

Настало время познакомиться со спецификой самих «неявных надписей», рассматриваемых В. Чудиновым в качестве нового исторического источника. Для подтверждения самого факта существования «неявных надписей» В. Чудинов воспроизводит с некоторой (зачастую – весьма значительной) потерей качества исследовавшиеся им репродукции различных изображений и дает их подробный поэлементный анализ. При этом в ряде случаев «выявленная» им «надпись» признается вербальным обозначением нарисованного предмета, изображенного персонажа или совершаемого им действия («вспомогательный русский текст рисованных этрусских изображений» [5, с. 28; см. также: 10, с. 17–19, 125–127, 130 и мн. др.]). Процесс выявления «неявных надписей» и результаты их «чтения» позволяют В. Чудинову постулировать существование в древности пиктокриптографии [5, с. 10–11, 142 и мн. др.], что и преподносится им как «новая эпиграфическая реальность» [5, с. 9]. При этом без какой-либо аргументации считается допустимой весьма своеобразная аналогия с естественнонаучными исследованиями: «Каждая наука постепенно переходит от освоения макроуровня к исследованию микроуровня, и никакой фантазии в этом нет. Порицать меня за это глупо. Но достаточно всего лишь увеличить изображение, как это приводит к массе открытий...» [9, с. 479]. Обратим внимание на специфику такого «увеличения» и его последствия.

Успешно выявляемые «неявные надписи» необычайно малых размеров («...таким мелким шрифтом, который оказывается заметным только при увеличении, из чего следует, что он просто невидим невооруженным глазом» [10, с. 166]) характеризуются В. Чудиновым как знаменующие «переход от обычной археологии к микроархеологии, к рассмотрению микромира, созданного трудом наших предков» [10, с. 167]. Причем, как можно понять из умолчаний, само собою подразумевается наличие в глубокой древности и специальных инструментов, которыми наносили невидимые невооруженным глазом надписи далекие предки лесковского Левши, у которых, очевидно, как и у него, никакого «мелко-скопа» и в помине не было, а просто «так глаз пристрелявши». Некоторые пояснения по этому вопросу можно отыскать в интернет-публикациях В. Чудинова: «...древние надписи имеют самые разные техники нанесения: точечные буквы накалываются шилом, обычные буквы наносятся путем скалывания поверхности камня чем-то вроде зубила, имеются примеры травления букв какими-то химическими реактивами, буквы также могут наשלываться или навариваться. Подробности двух последних техник пока неясны» [11]. Но, кроме названных, есть и более экстравагантное предположение о способах нанесения знаков на поверхность камня в глубокой древности: по мнению В. Чудинова, некоторые обнаруженные им линии на камнях представляют собою «даже не пропиленный, а оставленный ФРЕЗОЙ след на камне, причём фреза была микроскопических (в доли миллиметра)

размеров (как нынешняя фреза бормашины стоматолога), и очень легко управлялась рукой. И при этом была сделана не из стали (которая мягче гранита), а из твердого камня (типа диорита), который сам должен был сделан с помощью еще более твердого инструмента. ТАКОЙ ТЕХНИКИ обработки камня более плотным камнем В НАШИ ДНИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, она превосходит современный уровень развития» ([12] Выделено автором). Правда, предлагаемое решение тянет за собой дополнительные, остающиеся пока без ответа, вопросы: каким образом изготавливалась в древности сама «фреза» и каковы же были источники энергии и механизмы, обеспечивавшие требуемую скорость вращения...

Упомянутый выше «переход на микроуровень» дает В. Чудинову возможность говорить о возникновении микроэпиграфики, к специфическим чертам которой он, как ее основатель, относит следующие специальные приемы: 1) увеличение размеров изображения, 2) усиление его контрастности и 3) инверсию цвета [10, с. 7]. Отметим, что именно комплексное использование всех перечисленных составляющих позволило В. Чудинову выявить, к примеру [10, с. 44] на изображении лезвия одного из найденных археологами в городище Спас-Перекша ножей (рис. 1) написанное современными русскими буквами целое предложение «нож монѣхи соловков сделали» (рис. 2). И не беда, что возникновение Соловецкого монастыря в традиционной хронологии относится к началу XV-го века, а находки, в число которых входит и указанный нож, датируются исследователями XII–XIII веками. Раз В. Чудинов прочитал то, что «написано», значит какое-то, пусть даже невероятное, объяснение этой нестыковке все равно найдется.

Сложнее дело обстоит с не совсем привычной для указанного периода графикой знаков письменности и орфографией самой надписи, ведь ни о каком древнерусском языке, как и об установленных исследователями закономерностях его развития, и, уж тем более, о соответствующих той эпохе начертаниях букв В. Чудинов не упоминает, и на приведенном изображении (рис. 2) хорошо различим привычный нам современный вид выявленных «микроэпиграфическим» методом букв, мирно соседствующих с какой-то иной знаковой системой. Как это следует понимать?

В ряде случаев при обнаружении «неявных надписей» предполагается, что целое слово или же его часть могут быть написаны не хорошо знакомой В. Чудинову кириллицей, а «слоговыми знаками» активно рекламируемой им же «руницы» [6, с. 11, 14]. Интересно и то, что «слоговые знаки» (согласный + гласный) чаще всего «выявляются» именно там, где не хватает признаваемых за буквы элементов для составления из них полного слова. Собственно, название «руница», как пишет В. Чудинов, было предложено им в 1995 году в одной из статей [8, с. 466], а сама обозначаемая этим словом знаковая система, по наблюдениям того же В. Чудинова, имела весьма длительную историю: «...мне удалось обнаружить ее на предметах палеолитической живописи эпохи ориньяка (30 тысяч лет назад), причем, опять-таки, она уже тогда существовала в развитом виде. То есть корни ее уходят в еще более седую древность» [8, с. 45], «Русские руны, как выяснилось, – древнейшая письменность мира, которая существовала десятки и сотни тысяч лет» [4, с. 96]. Что и говорить, указанные цифры, подчеркивающие нешуточную древность руницы могли бы вызывать только почтение, тем более, что, по словам В. Чудинова, к 2006-му году им было прочитано не два-три слова, и даже не пять-десять надписей, а «порядка двух тысяч текстов» [8, с. 46], записанных таким способом. Однако, предложенное «чтение» выявленных на изображениях лезвий ножей «знаков» этой самой руницы, как и сам факт их существования вне пределов обрабатываемой В. Чудиновым иллюстрации – на самих ножках – вызывают слишком серьезные сомнения.

На самый первый вопрос – к чему такая сложность записи (с одновременным использованием двух знаковых систем), у В. Чудинова ответ готов заранее. Дело в том, что одной из исходных предпосылок для изучения «неявных надписей» считается их изначальная зашифрованность с целью доставления интеллектуального наслаждения при де-

шифровке: «Чтение было процессом долгим и серьезным, к тому же связанным с очень длительной традицией именно трудного начертания, и никто не спешил узнать смысл надписи «с лета», с единого прочтения, а наслаждался самим процессом разгадывания» [6, с. 14; ср.: 7, с. 19–20, 124–125]. По всей видимости, именно для этого наслаждения в ходе наблюдений В. Чудинова за иллюстрациями в специальной и популярной литературе и сформировалась микроэпиграфика как «новый раздел науки» [7, с. 284].

Добавим к этому, что именно микроэпиграфика, созданная трудами В. Чудинова и используемая пока что только им самим, предлагает обогатить историю отечественной культуры (и собственно – отечественную эпиграфику) такими, к примеру, «надписями», как: «толан проклял сей ключ» ([10, с. 49]. Толан, по мнению В. Чудинова, это чуть измененное «Толян», восходящее к привычному имени «Анатолий»), с наслаждением, надо полагать, «выявленную» на изображении ключа; «суздаль, окна заказные» [10, с. 110], с аналогичным наслаждением «выявленную» на изображении фрагмента витражного стекла, ориентировочно относимого исследователями к XIV–XV векам [3, с. 188–189]; «крит и русь братья славяне» [5, с. 427] и «столица мира москва» [5, с. 439], которые, видимо, теперь уже с огромным наслаждением были «выявлены» в прорисях этрусских зеркал, и многими другими... Готова ли отечественная культура принять столь бесценный дар?

Попытаемся разобраться с предлагаемым В. Чудиновым увеличением как одним из способов «чтения» «неявных надписей». Возьмем, к примеру, не так давно изданную книгу «Вагрия. Варяги Руси Яра» [4], в которой на с. 200 приведена невысокого качества фотография статуэтки из книги современного германского исследователя Фридр. Шлетте (F. Schlette) «*Kelten zwischen Alesia und Pergamon*» (S. 28) и рядом с ней дано увеличенное изображение фрагмента ее верхней части (рис. 3, 4). Автор книги предлагает каждому читателю воочию убедиться в эффективности его «метода» увеличения изображения в процессе весьма успешного выявления «неявных надписей» написанных по-русски: «На его шапке можно дважды прочесть слово «яр», на бровях, как водится, слово «клик», под глазом – слово «яра». Низ бороды читается как слова «мастерская яра». Тем самым мы видим изображение славянского бога Яра» [4, с. 200; ср.: 9, с. 405–406]. Соотнесение масштабов изображений на рис. 3, 4 нами сохранено специально, поскольку так намного проще понять технику поиска «неявных надписей».

Дело в том, что одной из характеристик цифрового (компьютерного) изображения является т.н. «разрешение» – количество элементов (точек), на которые оно «разбивается». Именно от этого количества не в последнюю очередь зависит «четкость» получаемого при сканировании или же «на выходе» цифровой камеры изображения, что позволяет говорить о высоко- или низкокачественном изображении одного и того же предмета. На приведенном увеличенном фрагменте (рис. 4) очень хорошо видны т.н. растровые точки – те самые элементы, которые составляют само изображение и которые при достаточном «качестве» («разрешении») изображения не должны быть заметны в условиях наблюдения «невооруженным» глазом, поскольку они просто будут «сливаться» для глаза со средне-статистической разрешающей способностью. Но, как это видно на представленных иллюстрациях, именно из этих самых элементов и «составляются» В. Чудиновым «русские буквы». Добавим к этому и то обстоятельство, что при подобного рода оперировании с элементами изображения совершенно не учитывается размер этих самых точек и, соответственно – получаемый размер составленной «буквы». Так, например, вертикальная линия «буквы Я» (самое верхнее изображение на рис. 4) состоит из пяти точек, и увидеть это, действительно можно только при очень большом увеличении изображения. Однако проблема заключается в допустимости отождествления подобного скопления точек, полученных при анализе низкокачественного полиграфически выполненного изображения статуэтки, с какой-либо объективной реальностью на самой статуэтке. Ведь полученная «буква Я» по высоте и по ширине практически равняется размеру глазной впадины (хотя почти в

два раза «короче» носа) и, в таком случае, должна быть отчетливо видна при осмотре самой статуэтки «невооруженным глазом».

Самая большая странность использования только что продемонстрированного «метода увеличения» (именуемого самым настоящим «новым методом исследования» [10, с. 6–7, 159]) заключается в том, что В. Чудинов прекрасно осведомлен о появлении элементов «книжного растра, существующего в полиграфии» [10, с. 167] при чрезмерном увеличении изображения, и, тем не менее, продолжает увеличивать...

Для уточнения специфики обработки В. Чудиновым фотоизображений различных предметов с целью выявления «неявных надписей» обратимся еще к одному примеру, на этот раз из его же книги «Вернем этрусков Руси». На с. 507 помещено изображение крышки погребальной урны-канопы из Кьюзи VII в. до н.э. (рис. 5), заимствованное, как это указано на той же странице, из книги Г. Соколова «Искусство этрусков» (рис. 6). Хорошо видно, что при сохранении линейных размеров изображения его «качество», определяемое разрешением, использованным при сканировании оригинальной книжной иллюстрации, значительно изменяется. И именно это отличие дает определенные возможности для манипулирования скоплениями растровых элементов, неразличимыми на втором изображении, сделанном с более высоким разрешением.

Приведенные нами примеры подтверждают неизменность методики, используемой В. Чудиновым для поиска «неявных надписей» на изображениях предметов. Вполне очевидно, что игнорирование одного из основных параметров «качества» изображения («разрешение»), активно используемое в процессе обнаружения «неявных надписей», позволяет не обнаружить существующую в действительности надпись на самом предмете, а принять за «надпись» скопление «растровых элементов» (растровых точек) возникшее в результате компьютерной обработки полиграфически исполненного изображения.

Еще одной особенностью «выявления» В. Чудиновым «неявных надписей» является составление букв (и, разумеется, слов) из фрагментов линий рисунка на изображении той или иной археологической находки (или на любом другом изображении, например, на зарисовках А.С. Пушкина и других писателей). В качестве элементов, из которых могут быть составлены «буквы» В. Чудинов использует любые, ничем специально не выделенные в самом рисунке и никак не обусловленные теоретически части линий. Кроме этого, для «удобства чтения» им используются различные дополнительные приемы: повороты на 90 и 180 градусов отдельных линий, разделение «лигатур», соединение в одно слово «явных» и «неявных» букв, использование «цветовой инверсии», сочетание в одно слово знаков, обнаруженных в различных (не обязательно – в близко расположенных!) частях рисунка, включение в одно слово графем из различных знаковых систем [5, с. 165, 308, 331, 337, 424, 388, 225, 451 и мн. др.; 4, с. 245–246, 253–254 и мн. др.] и нек. др.

К примеру, элементы рисунка, могут быть «прочитаны» так: «сначала рука, повернутая на 90 градусов вправо, затем знак, образованный щитом, рукой и ногой, потом поднятой рукой, наконец, верхней частью правой руки и туловищем» – так было составлено слово «красное», «прочитанное» как составленное из четырех знаков руницы [4, с. 270]. Возможен и другой вариант: «...тетива лука образует дополнительную линию и дополнительную букву, а именно Р; две последние буквы переставлены, надо читать не ОЛ, а ЛО, одна буква не дописана, и на ее уровне видна нижняя челюсть медвежьей пасти, служащей шлемом, она-то и определяет букву Г. Тем самым получается надпись СТРЕЛОГ, то есть “стрелок”, где последний звук К совершенно законно подвергся озвончению» [5, с. 64–65]. Использование подобных приемов сделало возможным как «чтение» русских слов на репродукции гравюры XVII века – портрете В. Шекспира: «чтение следует начать с букетика в руке, который необходимо обратить в цвете и повернуть вправо на 90 градусов... Следующая надпись находится на ленте за букетом; ее необходимо увеличить, обратить в цвете и повернуть на 90 градусов вправо» [7, с. 163; ср.: 8, с. 438–442], так и «выявление»

зашифрованного текста на рисунке Г.Р. Державина (исследователи считают этот рисунок автопортретом): «...чтение переносицы, глаза, кончика ноздри и губ приводит к тексту, состоящему из трех слов-характеристик: “нагл, суров, малъ”. Затем можно прочесть буквы на голове в виде отдельных локонов парика, они образуют законченную фразу: “имя дантон, а характер кромвеля”» [7, с. 157; 8, с. 448–449].

Подчеркнем еще раз: В. Чудинов никак не обосновывает выбор элементов для составления «букв», или же способ обработки изображения (например, цветовую инверсию) для их «выявления». Вот всех этих случаях очевидна полная произвольность, благодаря которой можно «прочитать» практически все, что угодно, включая изгибы реки на карте местности.

Еще одной особенностью процесса поиска «неявных надписей» является то, что В. Чудинов не считает принципиально значимой разницу между фотографией предмета и сделанной с целью передачи «общего» представления о предмете зарисовкой. Немаловажно при этом и игнорирование критического подхода – сравнительного анализа имеющихся изображений и поиск среди них наиболее адекватно передающего общий вид и детали изображаемого предмета. В результате таких допущений, во-первых, упускается из виду различие между изображением искусственно нанесенных на сам предмет линий и имеющихся следов естественных повреждений этого предмета. В. Чудинов об этом прекрасно знает, что, однако, нисколько не влияет на его «творческий» поиск: «Внешне же надпись напоминает растрескивания камня или ходы жучка-короеда, надписью как таковой она именно в силу хаотического расположения фрагментов и из-за удлинения рун не смотрится» [7, с. 79]. Во-вторых, кроме «растрескиваний» к «надписям на предмете» при анализе изображения могут быть отнесены и добавленные зарисовывавшим предмет художником декорирующие элементы (в том числе – тени при изображении объемных предметов: этрусских скульптур, рельефов на саркофагах и т.п.). В частности, именно в специально нанесенной позднейшим художником на зарисовки этрусских скульптур и барельефов на саркофагах штриховке, показывающей тень, В. Чудинову удалось «выявить» такие «надписи» на русском языке, как «этруск славик» [5, с. 352], «консул дун фан» [5, с. 343], «этруск с крита дмитрий франконский» [5, с. 357–358], «прима муж нанят для описания подвига иноков» [5, с. 471], «антинародная выхидка воинов в ярости и пьяни» [5, 476] и многие другие...

Далее постараемся разобраться с используемым, начиная с книги «Руница и тайны археологии Руси» [6], способом «инвертирования», без какой-либо лишней скромности именуемым «крупным открытием в методике чтения надписей руницы» [6, с. 44]. Собственно «крупное открытие» заключается в следующем: автор книги берет неважного качества ксерокопию фотографии предмета с неровностями поверхности – «сапожного шила», точнее, его рукоятки, испещренной многочисленными углублениями и выщерблинами, которые на изображении вполне естественно имеют черный цвет. На приведенном рисунке (рис. 7) вверху – «нормальное» изображение рукоятки, внизу – инвертированное, при котором черное стало белым и наоборот. В кружочках (слева от центра) можно заметить линии, которые В. Чудинов идентифицирует с «буквой К», к которой путем нехитрых манипуляций подбираются еще несколько аналогичного рода «букв», составляющих «кости». А уже далее – к этому «слову» подбирается «написанное» руницей словосочетание «с новым кожухом из» и изумленным читателям книги преподносится «неявная надпись»: «с новым кожухом из кости», которую с какой-то целью кто-то разместил таким нелегким способом на этом предмете [6, с. 44–47].

Наибольшее удивление в этом способе выявления «неявных надписей» вызывает как раз само инвертирование. Не подлежит никакому сомнению, что имеющиеся на предмете углубления могут иметь как естественное, так и искусственное происхождение. В рамках гипотезы о существовании на данном предмете «неявных надписей» можно допу-

стить, что во втором случае углубления являются результатом не случайных механических повреждений, а целенаправленного воздействия – процарапывания, продавливания и т.п. В таком случае при фотосъемке предмета (при естественном или искусственном освещении) эти углубления будут затенены, а более-менее ровная поверхность будет выглядеть по сравнению с ними светлой. В результате применения предлагаемого В. Чудиновым инвертирования получается, что буквами следует считать не углубления (что было бы вполне естественно), а как раз недеформированные участки поверхности: «выяснилось, что масса надписей представляет собой не темные линии на светлом фоне, а, напротив, светлые линии на темном фоне. Но светлые линии воспринимались как блики, и никому из исследователей не приходило в голову их читать» [7, с. 284]. Другими словами, предлагается признать, что «буква» представляет собой не углубление, а выпуклость и для ее получения в процессе такого рода «письма» нужно удалить режущим инструментом материал по краям контура этой самой буквы, а поскольку среди «выявленных» В. Чудиновым на рукоятке шила присутствовала буква «о», то и внутри контура. Согласитесь – столько ухищрений и столь ничтожный объем информации!

Обратимся к характерным примерам использования принципа инвертирования. На с. 368 книги «Вернем этрусков Руси» В. Чудинов помещает заимствованную из работы «Памятники письменности славян до Рождества Христова, собранные и объясненные Фадеем Воланским», помещенной в современном переиздании книги Е. Классена «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова» (СПб., 1854–1861), иллюстрацию с изображением этруской статуэтки (рис. 8) и предлагает вниманию читателей не только свой вариант «русского» прочтения нанесенной на правую ногу фигурки этруской надписи («юле рездже с ас и зл с чед», что, по мнению В. Чудинова обозначает высказанный упрек «были реже со мной и очень редко с чадом») в сравнении с вариантом чтения, предложенным Ф. Воланским, но и результаты выявления «неявных надписей»: «Прежде всего я читаю надписи на голове мальчика в обращенном цвете; там написано: «аз креа рим», то есть «я создаю рим». Кроме того, справа на цепочке можно прочесть слова: «мы наняли их»» [5, с. 367]. Оказывается, для удобства получения эксклюзивной исторической информации надо проделать всего лишь несколько нехитрых ходов: 1) забыть, что перед нами не адекватно фиксирующая детали предмета фотография, а передающая общую форму и условно обозначающая детали зарисовка, 2) выбрать фрагмент с наибольшим скоплением различного рода линий, 3) представить себе, что из этих линий любыми способами можно составить буквы, а из них – слова.

На мгновение допустим, что В. Чудинову действительно удалось «выявить» те самые «неявные надписи» на изображении. А есть ли они на самом изображаемом предмете? Насколько адекватно передает зарисовка XIX века (восходящая, по словам Ф. Воланского, к другой – оригинальной зарисовке XVIII века) линии на голове этой статуэтки, находящейся ныне в музеях Ватикана? Для того, чтобы получить ответ на этот простой вопрос достаточно обратиться к ее фотографиям.

Как ни странно, одна из таких фотографий есть в книге Р. Блока (рис. 10) «Этруски. Предсказатели будущего» [1], которую В. Чудинов активно использует (наравне с книгой Г. Соколова «Искусство этрусков»), заимствуя из нее, к примеру, прорись т.н. лемносской стелы [5, с. 510, рис. 196; 1, илл. 58], зарисовку общего вида погребальной урны со скульптурой молодой женщины [5, с. 498, рис. 188; 1, с. 108, рис. 19] и некоторые другие иллюстративные материалы.

При сравнении изображения головы статуэтки (рис. 11) с прорисью из работы Ф. Воланского (рис. 9) выясняется, что линий, идентичных тем, которые были взяты В. Чудиновым за основу для выявления «неявных надписей», на фотографии и, следовательно, на самом предмете, просто нет, поэтому требуемой для выявления «неявных надписей» степенью адекватности данная зарисовка не обладает. В связи с этим отнесение обнаруженных В. Чудиновым «неявных надписей» к самому предмету, с нашей точки зрения, не

представляется допустимым, а сами «выявленные» описанным способом «неявные надписи» приходится признать результатом фантазирования. К сожалению, остается без ответа весьма важный вопрос: по какой причине вместо только что приведенной фотографии из книги Р. Блока автором уникальной методики «чтения» инвертированных изображений была использована отдаленно напоминающая сам предмет зарисовка?

Добавим, что в книге «Вернем этрусков Руси» аналогичным образом было проигнорировано имеющееся в книге Р. Блока фотоизображение другой известной этрусской статуи – Химеры из Ареццо. Вместо него В. Чудинов снова взял за основу для поиска «неявных надписей» зарисовку из книги Е. Классена [5, с. 346], «прочитав» на ней не только слова «рим» и «химера», но также и целое предложение – в «шерсти» на спине фантастического животного: «латинян укрыл константин виликий» [5, с. 345]. Может быть, перед нами замена одного изображения на другое – «более читаемое»?

Самый оригинальный, на наш взгляд, способ чтения «неявных надписей» продемонстрирован В. Чудиновым в книге «Вагрия...» [4 с. 285–288] – с использованием уже знакомого нам инвертирования – на примере «камня из Смулы». Сама руническая надпись на находящемся на территории Швеции камне, относимая исследователями к XI веку, не представляет никаких сложностей в прочтении и ее русский перевод помещен в книге Е.А. Мельниковой «Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: тексты, перевод, комментарии» (М., 2001). Но В. Чудинов предлагает новый вариант ее трактовки: «Оказывается, многие германские руны служили лишь букворазделителями для букв протокириллицы, которые становятся видимыми при обращении цвета» [4, с. 287]. Другими словами, одна и та же линия является одновременно и руническим знаком и одним из боковых контуров «протокириллической» буквы. Получается, что знаки одного типа письменности «вписаны» в межзнаковое пространство другого типа письменности, то есть, нанося два соседних рунических знака древний мастер очерчивал знак «протокириллицы»... Как удалось «выяснить» В. Чудинову, в междунном пространстве написано следующее: «Бирки и всей белой руси воины были убиты на рассвете августа вражеским оружием» [4, с. 288]. Самое интересное в этой находке то, что она оказалась неожиданностью и для самого В. Чудинова, не забывшего, правда, отметить и свой вклад «в науку»: «Так что данный текст – русский, образованный германскими рунами как фоном или как составными частями слов. Такого от чисто германских надписей ожидать было нельзя. Это – следствие более тщательного исследования надписей, чем до сих пор принято в рунологии» [4, с. 287]. Аналогичный способ «прочтения» (т.н. «выворотная штриховка») используется В. Чудиновым и при анализе «тайнописи» в рисунках А.С. Пушкина [8, с. 467].

Содержание выявленных «неявных надписей» без какой-либо дополнительной проверки в аспектах лингвистики, истории и развития культуры в целом, безоговорочно утверждаются В. Чудиновым в качестве таких объяснений культурно-исторических реалий древней истории, которые совершенно не согласуются с уже известной информацией. К примеру, изображения на этруских бронзовых зеркалах (имеющие, в ряде случаев как формальное, так и содержательно сходство с материалами древнегреческой вазописи) рассматриваются им в качестве политических карикатур или же аллегорий на современные политические события [5, с. 4, 323, 431, 461], а их «классическая» трактовка с точки зрения мифологии объявляется ложной [5, с. 323] по причине ее несоответствия сведениям, полученным благодаря «разработанной» самим В. Чудиновым методике «чтения». Также, в результате «выявления» на этруских предметах лексем, безусловно относящихся к более позднему времени, постулируется положение о существующем тотальном искажении исторических сведений, замалчивающих наличие сознательного хронологического сдвига [5, с. 458, 473 и др.]. С учетом исправления «современной интерпретации истории» дату основания Рима предлагается переместить с VIII в. до Р. Хр. на V в. от Р. Хр., т. е. более чем на тысячу лет [5, с. 4]. Кроме этого, на основании чтения «неявных надписей», в том

числе – слов «кривичи» и «полочане» [5, с. 233, 264] и им подобных, В. Чудинов делает выводы о необходимости признания этрусков выходцами из «восточной Руси» [5, с. 199], и, более конкретно, – «из Смоленской и Полоцкой земель» [5, с. 400, 462].

К «обнаруженным» на различных этруских предметах (в основном – на бронзовых зеркалах) словам В. Чудинов относит, в числе многих прочих, следующие слова (формы даны в полном соответствии графике выявленных В. Чудиновым «неявных надписей», для которых, по его неоднократным объяснениям, использовался как раз русский язык): арабы, аренда, аравия, артист, армия, атаман, безрукий, варяги, ветка, вино, владелец, возок, воины, война, вооружение, входить, город, детина, дунайские, дядька, злодеи, зима, казмир, кельт, кипр, князь, козлик, коляска, комедиант, кривичи, крошечка, ласковая, латинский, любовь, мастерская, милая, мировой, москва, мужик, наигрыш, наполовину, наркотик, нищий, новокаменка, ноги, ночной, нравы, однолюбы, оживление, ожидаю, отравитель, пиратская, покорение, полочане, помощь, приветливая, проворный, пропорция, птицелов, равенство, пьяница, размышление, ратник, рижский, родной, руководитель, русский, савроматского, самоуправство, сербия, силезия, скифия, славяне, славянские, столица, счастлива, тигры, умники, фракиец, хадж, хазария, хищник, художник, христианин, цимбалистка, шляпа, эллада, этруск, юноша [5, с. 596–637].

К числу выявленных на различных этруских артефактах (в основном – на бронзовых зеркалах и саркофагах) словосочетаний отнесены, например, такие: «я прораб храма» [5, с. 301], «коляска типа москва» [5, с. 382–383], «памяти воинов магучих и сильных славян» [5, с. 372], «храмы пустыни сахара» [5, с. 459], «корсика купит руководителя для работ в африке» [5, с. 465] и др.

Приведенных примеров «чтения неявных надписей» (а ведь кроме этого, В. Чудинов известен также и «чтениями» на фотографиях солнечной [13], лунной и марсианской [14] поверхностей, равно как и выявлением русских «надписей» на спутниковых фотографиях дна океана [15]), которой владеет, по его собственному признанию, только один В. Чудинов [5, с. 109, 186], вполне достаточно для общей характеристики той роли, которую может сыграть его «подход» при изучении отечественной и всемирной истории. Рассмотренные нами характерные случаи использования «неявных надписей» в качестве исторического источника показывают, что В. Чудинов использует в качестве основы для своих «исследований» с неизменно сенсационными результатами фиктивный материал – псевдоинскрипции. Однако, несмотря на очевидную «непривычность» полученных в результате «обработки» этого материала, В. Чудинов остается твердо убежденным в правильности своего метода и в предисловии к книге «Вернем этрусков Руси» пишет: «...моя эпиграфическая деятельность признана руководством как РАЕН, так и РАН* (что, однако, не означает, что мои работы признаны всеми академиками РАЕН или РАН). Таким образом, я занимаюсь проблемой дешифровки древних славянских письменностей на профессиональной основе, будучи облечен весьма высокими научными полномочиями»* [5, с. 13]. А по поводу тех, кто все же не «признаёт» работы В. Чудинова, в его книгах тоже можно найти много интересного (в аспекте конспирологии), к тому же – эмоционально окрашенного [4, с. 230, 273–274, 275; 254–255, 259–260; 9, с. 434, 451, 453–454, 463–464, 471–475, 477].

Было бы очень интересно узнать, а что же в действительности думают в Академии наук по поводу допустимости используемой В.А. Чудиновым методологии выявления и чтения «неявных надписей», а также о его «эпиграфической деятельности» в целом...

* Это неверно. Как нам сообщили (октябрь 2010) в руководстве Научного совета РАН по мировым культурам, В. Чудинов давно отстранен от каких-либо полномочий в РАН (прим. Редколлегии).

Иллюстрации

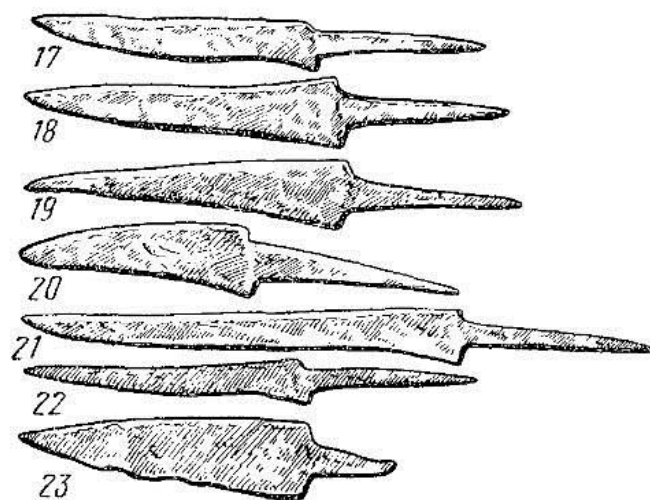

Рис. 1.

Фрагмент иллюстрации из книги Т.Н. Никольской «Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.» (М., 1981. С. 82, рис. 29)

Рис. 2.

Из книги В. Чудинова «Тайные руны Древней Руси» [10, с. 44, рис. 37].

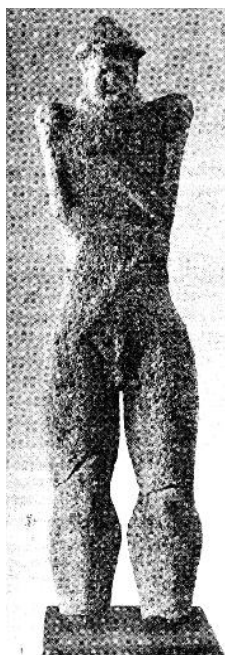

Рис. 3.
Из книги В. Чудинова
«Вагрия...» [4, с. 200, рис. 41]

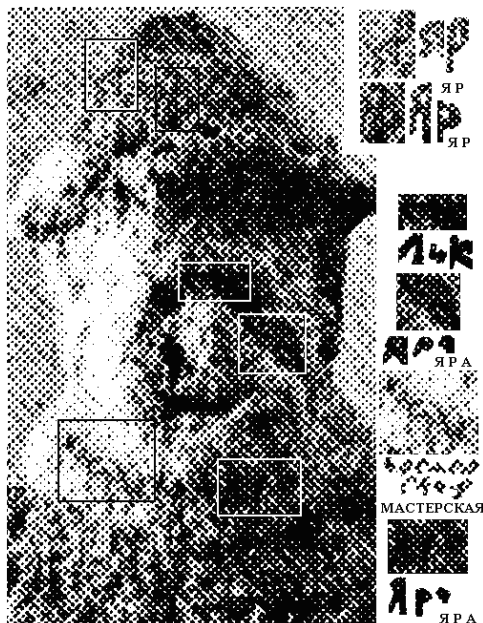

Рис. 4
Из книги В. Чудинова
«Вагрия...» [4, с. 200, рис. 42]

Рис. 5
Из книги В. Чудинова «Вернем этрусков Руси» [5, с. 507, рис. 195].

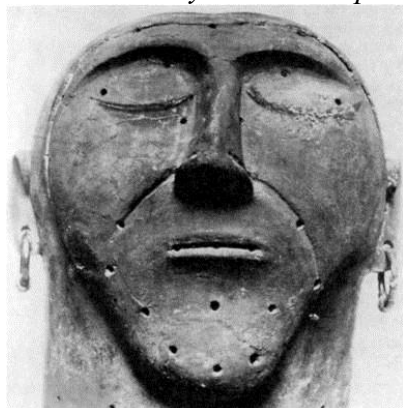

Рис. 6
Из книги Г. Соколова «Искусство этрусков» (М., 2002. С. 38, илл. 29).

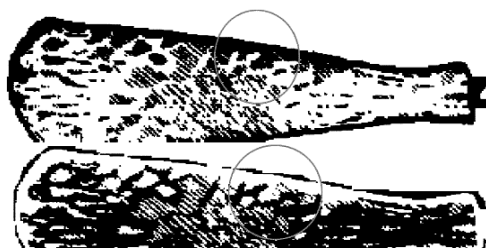

Рис. 7

Из книги В. Чудинова «Руница и тайны археологии Руси» [6, с. 45, рис. 16].

Рис. 8

Из книги В. Чудинова «Вернем этрусков Руси» [5, с. 368, рис. 116].

Рис. 9

Увеличенный фрагмент рис. 8.

Рис. 10

Из книги Р. Блока «Этруски...» [1, илл. 58]

Рис. 11

Фрагмент иллюстрации из книги N. Thomson de Grummond, E. Simon «The Religion of the Etruscans» (2006, P. 92, pict. VI.2)

Литература

1. Блок Р. Этруски. Предсказатели будущего. М.: Центрполиграф, 2004. 189 с.
2. Орешкин П.П. Вавилонский феномен (русский язык из глубины веков). Рим, 1984; СПб.: «ЛИО Редактор», 2002. 176 с.
3. Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 236 с.
4. Чудинов В.А. Вагрия. Варяги Руси Яра. Опыт деполитизированной истории. М.: «Издательство ФАИР», 2010. 624 с.
5. Чудинов В.А. Вернем этрусков Руси. М.: Поколение, 2006. 656 с.
6. Чудинов В.А. Руница и тайны археологии Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.
7. Чудинов В.А. Русские руны. М.: Альва-Первая, 2006. 336 с.
8. Чудинов В.А. Тайнопись в рисунках А.С. Пушкина. («Рисунки руницы»). М.: Поколение, 2007. 488 с.
9. Чудинов В.А. Тайные знаки древней Руси. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 512 с.
10. Чудинов В.А. Тайные руны древней Руси. М.: Вече, 2005. 400 с.
11. Чудинов В.А. Как не спутать древние петроглифы с современными? (2007 г.) Режим доступа <http://chudinov.ru/kak-ne-sputat-drevnie-petroglifyi-s-sovremennymi/>
12. Чудинов В.А. Причина неприятия древнейшей русской письменности (2008 г.) Режим доступа: <http://chudinov.ru/prichina-nepriyatiya-drevneyshey-russkoypismennosti/3/>
13. Чудинов В.А. Гелиоглифы первой половины мая (2009 г.). Режим доступа: <http://chudinov.ru/geoglifimaya/>; Чудинов В.А. Гелиоглифы начала июня (2009 г.). Режим доступа: <http://chudinov.ru/geosun/>
14. Чудинов В.А. Гелиоглифы и селеноглифы (2009 г.); Обратная связь № 49 (2009 г.) Режим доступа: <http://chudinov.ru/selenoglifi/>; <http://chudinov.ru/mneniya49/>
15. Чудинов В.А. Найден подводный геоглиф – Лемурия (2010 г.). Режим доступа: http://www.runitsa.ru/publications/publication_355.php